

Широта жизни

20 лет советской власти — это половина моего творческого пути. Первый период моей актерской деятельности — 21 год — протекал при царском режиме. Поэтому я чрезвычайно остро ощущаю разницу между положением советских актеров и тем, чем мы, актеры, были до Октябрьского переворота. Перемену мы ощутили с первых же дней социалистической революции.

При царском режиме мы чувствовали себя людьми второго и даже третьего ранга. За людей нас вообще мало считали. Молодого человека, который рвался на сцену, объявляли каким-то выродком, пропащим человеком. Поэтому всякий, связывавший свою жизнь с искусством, должен был поставить крест над своей репутацией «в обществе». Актер не только не чувствовал себя гражданином, но для правящей части общества он был пустым и падшим человеком.

С первых же дней существования советской власти все изменилось. Мы почувствовали, как мы нужны, как нас любят, ценят и уважают, как готовы помочь каждому честному работнику. Помню слова Ленина, так поднявшие наш дух: «Если есть театр, который мы должны из прошлого во что бы то ни стало спасти и сохранить, это, конечно, — МХАТ». Во всем, в каждой мелочи проявлялось это удивительное внимание. Вот, например, такой, казалось бы, мелкий, но глубоко тронувший меня случай. Это было в самом начале революции. Я жил тогда на Неглинном проезде, около Сандуновских бань. Ночью — обход, проверяют документы у всех живущих. Подходят к моей комнате: «Кто здесь живет?» — «Артист Художественного театра Леонидов». Этого оказалось достаточно, у меня ничего не спросили и пошли дальше.

Другой раз я очутился как-то ночью, когда уже ходить по улицам не разрешалось, на Арбате. Меня останавливают. Называют свою фамилию. Вдруг — теплые улыбки. «А мы только-что проводили Москвина!» И меня тоже провожают.

Все это меня подкупало и трогало.

Трудное тогда было время: голодали, мерзли. Помню, я снимался тогда в кино, и весь мой дневной заработок уходил на каравай хлеба, т. е. буквально на хлеб насущный. Каждый вечер приносил я такой каравай домой — семье, детям. Но от этого дух не падал, творческий потенциал был высок, как никогда раньше, хотелось работать, творить.

В атмосфере всей тогдашней жизни чувствовалась неисчерпаемая бодрость, которая заражала нас...

Я в моей жизни играл всего только 3 роли советского репертуара. Но, ощущая дыхание современности, я пересмотрел свои старые роли, и они зазвучали по-новому. Играл, например, Лопахина в «Вишневом саду», в словах — «Настроим мы дач, и наши внуки и правнуки увидят тут новую жизнь...» — я старался передать пафос нашего строительства.

И, по-моему, задача каждого советского артиста — пересмотреть свой старый репертуар, исходя из нашего советского мировоззрения.

Я не могу сказать, чтобы я был очень хорошо теоретически подготовлен, но стихийно, всем своим интуитом я чувствую, что здесь — в нашей большевистской партии — вся правда, вся суть, то, без чего человечество не может жить. Пока я утром не прочту 3—4 газеты, я чувствую себя как-то не по себе. Газета держит меня в курсе жизни всего Советского Союза и колоссально много дает для моей творческой работы.

Например, после ошибочной постановки «Богатырей» в Камерном театре я понял, что крещение Руси было прогрессивным явлением, и это заставило меня пересмотреть роль Пимена в «Борисе Годунове», над которой я тогда работал.

Вот, например, слова Пимена:
«Брат Григорий,

Ты грамотой свой разум просветил,
Тебе свой труд передаю. В часы
Свободные от подвигов духовных
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидетель в жизни будешь...

А мне пора, пора уж отдохнуть
И погасить лампаду...

Эти слова при старом толковании роли Пимена оставались в тени. Теперь в них зазвучал для меня новый, глубокий смысл. Эти слова говорили, что в прошлом русского народа не все было плохо, что всегда существовала связь поколений, из которых каждое передает последующему накопленный запас знаний и опыта, т. е. здесь глубокая мысль, что у нас была русская история, а не просто сменяющие друг друга формы несправедливости, резни, бесмыслицы. Пушкин в образе Пимена показал, что монастыри принесли с собой на Русь не только церковный гнет и суеверие, но и выполняли в свое время большую культурную роль, хотя бы в лице Пименов, выступавших первыми историками своей родины. Так у меня создалась новая трактовка образа Пимена.

Таким образом, даже классика Пушкина, и именно Пушкина, поскольку в его творениях заключен целый клад мудрости, мы, актеры, можем по-настоящему глубоко понять и передать только на основе нашего нового, советского мировоззрения.

Я уже упоминал о том, как узок был кругозор дореволюционного актера. Сейчас мы не можем оставаться в своей скорлупе, мы можем творить и создавать, только дыша общей грудью со всей страной. Это широта жизни, в которой активно участвуешь, в которой все близко тебя касается и питает тебя, как актёра. Столько получаешь каждый день впечатлений, что не можешь не реагировать, как художник, невольно все это отражается в твоей работе.

Я не хочу сказать, что теперешние актеры играют лучше прежних, но сейчас играют совсем по-иному. Каждая мысль, подаваемая со сцены, звучит массивнее, в ней больше заложено.

Несколько слов о зрителе: раньше зрительный зал резко делился на две части: галерка, где обреталась горячая, восторженная молодежь, студенчество, и партер с ложами. В партере бывало — сплошная сытость, ходили в театр для пицеварения. Иметь абонемент в Художественный театр было модным.

Для ублажения этих буржуа и строился репертуар театра (я имею в виду в данном случае не Художественный театр, а вообще рядовой театр царской России). Ставишь Шекспира, Шиллера — театр пустой; ставишь что-нибудь с «клубничкой» — битковые сборы. Понятно, что настоящего удовлетворения актер иметь не мог. Только молодежь, галерка несколько согревала его.

Сейчас же, в советских условиях, когда искусство на службе трудящихся, работать необыкновенно приятно, хотя ответственности больше.

В заключение скажу о том, как я, лично, готовлюсь к двадцатилетнему юбилею советской власти и выборам в Верховный Совет СССР. Готовлюсь с огромным волнением, с искренним желанием, чтобы работа была достойна этой даты. Я ставлю пьесу Н. Вирта «Земля». Это пьеса о народе, который под руководством партии Ленина — Сталина совершил Великую социалистическую революцию и строит социализм. Мы стремимся, чтобы через действующих лиц пьесы зритель представил себе образ Ленина. Его нет на сцене, но о нем говорят, его присутствие и деятельность чувствуется во всем. Это не легкая задача. И если мы успешно ее решим, то весь наш коллектив будет испытывать глубокое творческое удовлетворение.

Народный артист Союза ССР

Л. ЛЕОНИДОВ.